

КЛАССИКА РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

И.А. Голосенко

«СОЦИАЛЬНО-ОРГАНИЧЕСКАЯ» ТЕОРИЯ Д.А. ДРИЛЯ И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Рубрика «Классика российской социологии» предлагает читателю фрагменты некоторых работ Д.А. Дриля, в частности, это страницы сочинений «Преступность и преступники. Уголовно-психологические этюды» (СПб., 1895) и «Бродяжество и нищенство и меры борьбы с ними» (СПб., 1899). Аналитическая и антропологическая части дополняются избранной библиографией наиболее важных теоретических работ Д.А. Дриля.

Размышляя в 1916 г. о специфике вклада соотечественников в социальную науку, Б.А. Кистяковский справедливо отметил, что русский научный мир может по праву гордиться тем, что его представители ранее других осознали плодотворные возможности использования широкой социологической точки зрения во многих дисциплинах — истории первобытной культуры, антропологии, политической экономии, психологии и других именно как новую теоретическую возможность, перспективу в сравнении с традиционными подходами. У нас часто, еще с конца XIX века, первопроходцами такого подхода в сфере правоведения называли Н.М. Коркунова и С.А. Муромцева, но не менее значимым среди них был профессор Дмитрий Андреевич Дриль (14 марта 1846 — 1 ноября 1910), явившийся общепризнанной главой русской ветви позитивной уголовно-антропологической школы, сочинения которой привлекали то восторженное, то полемическое внимание социологов, правоведов и врачей разных стран на рубеже XIX — XX веков*.

* Создатель школы Ч. Ломброзо и его многочисленные последователи в разных странах в первую очередь применили антропологический подход к исследованию преступления, отсюда и обозначение школы как уголовно-антропологической, но со временем выяснилось, что спектр социальных проблем, изучаемых ею, шире чисто уголовных, и тогда появилось более короткое и, вероятно, более правильное обозначение — антропологическая школа. Во всяком случае, такой знаток истории социологии, как П. Сорокин, использовал последнее название.

I. Несколько штрихов к портрету Дриля

О детских и юношеских годах жизни Дмитрия Андреевича сохранилось очень мало воспоминаний. Известно, что он родился в семье потомственных дворян, отдаленные предки которых вышли некогда из Малороссии. Бабка по отцу была пленной турчанкой, а мать Дриля, в девичестве Загоскина, приходилась родной племянницей знаменитому создателю русского исторического романа. Семья владела несколькими небольшими поместьями в тульской и рязанской губерниях, но к числу рачительных хозяев не относилась, и состояние постепенно таяло. Родители безуспешно пытались исправить ситуацию и мало обращали внимания на детей, которые росли заброшенными, без ласки и внимания. С тех пор, как признался своему сыну Дмитрий Андреевич, он не мог равнодушно видеть детскую заброшенность и страдания, при встрече с ними у него всегда возникали картины его печального детства. Таким образом, характерные для Дриля черты «печальника» обездоленных детей и взрослых стали складываться у него еще в раннем детстве [1, с. III–IV].

Выступая в Актовом зале Психоневрологического института в 1910 г. на поминальном собрании в честь декана юридического факультета Д.А. Дриля, один из строителей уголовной социологии в России профессор С.К. Гогель отметил, что все, кто близко и долго или случайно и мимоходом соприкасались с покойным на многочисленных путях его разнородной деятельности, уносили впечатление встречи с глубоко симпатичной личностью, спокойной и незлобивой, душевно готовой помочь всякому действительно нуждающемуся в совете или поддержке. А между тем самого Дмитрия Андреевича жизнь баловала редко и неоднократно посылала незаслуженные лишения за один большой и непростительный, с русской точки зрения, недостаток — ему было свойственно не только «сметь свое суждение иметь», но и упорно защищать его [2, с. 13].

Будучи беззаветно предан истине и процессам ее обнаружения, он был исследователем, как говорится, от Бога, но казенный мир Министерства народного просвещения просто не понял и не принял его оригинальных идей. Более того, в его психо-социологических взглядах на преступность находили что-то «опасное», поэтому ему долгое время не пришлось читать лекции по этому предмету ни в одном из русских университетов. Запрет был снят в конце его жизни, когда научный авторитет Дриля получил международное признание. Вынужденный сменить, по злой иронии судьбы, желанную академическую среду на чиновничий мир, в который он оказался погруженным почти на всю жизнь, он и там не раз нарушал сложившиеся шаблоны служебной мысли и действия, поэтому административный строй видел в нем всегда «чужака», аутсайдера, стремясь лишь к эксплуатации его безбрежной эрудиции. Его многосторонняя общественная деятельность всегда носила альтруистический характер и сталкивалась с препятствиями и непониманием. Однако всем этим житейским невзгодам он противопоставлял дисциплинированное душевное равновесие, основанное на глубоко продуманном выборе главной жизненной ценности — служения людям, которое может окончиться только вместе с жизнью. И просто поразительно, как упорно и с каким достоинством Дриль нес свою тяжелейшую моральную ношу в житейской и общественной повседневности, далекой от его идеалов.

Многие студенты и профессора Московского университета 70 — начала 80 гг. XIX в. оставили самые благоприятные воспоминания о новейших для того време-

ни, как правило, позитивистских западноевропейских веяниях в своей «альма матер» [3]. В этом отношении Московский университет был безусловно наиболее передовым среди других русских университетов той поры, несмотря на извечное сопротивление всему новому преподавательской рутине и казенщины.

М.М. Ковалевский вспоминал, что в 1870-е годы в Московском университете сложилась плеяда новых молодых профессоров-экономистов, филологов, историков и других обществоведов, которые были увлечены теориями эволюционизма, сравнительно-историческим методом и социологическим позитивизмом. «Из всех научных дисциплин, занимающихся проявлениями общественности, одно только уголовное право коснело в прежней рабской зависимости от метафизики» [4, с. 430]. Как иронизировал Ковалевский, студенты заучивали многообразные определения наказания в духе категорического императива И. Канта или диалектики Гегеля, по которой право объявлялось тезисом, преступление — антитезисом, а наказание или восстановление права обозначалось как отрицание отрицания. Необычайная отрешенность этих формул от жизни нарушалась только в одной области криминологии — тюрьмоведении, которое задавалось мыслью не только наказания преступника путем изоляции от общества, но и перевоспитания его, что немислимо без изучения его психологической природы и социальных факторов преступности. «То, что было сколько-нибудь живого в среде университетских ревнителей криминологии, готовилось поэтому посвятить себя тюрьмоведению. В числе этих молодых ученых самым живым, увлекающимся и увлекающим своим примером других являлся Дмитрий Андреевич Дриль» [4, с. 439]. Он сразу присоединился к позитивистскому кружку М.М. Ковалевского, С.А. Муромцева и Ю.С. Гамбарова, создателей «Московского юридического общества», где состоял также научным секретарем. Общество имело специальный орган «Юридический Вестник», в котором Дриль активно печатался.

Дриль поступил на юридический факультет Московского университета в 1868 г. и с третьего курса с увлечением знакомится с западным позитивизмом и социологией. В 1873 г. блестяще заканчивает университет, остается при нем для подготовки к профессуре и в соответствии с требованиями этой процедуры получает возможность отправиться в научную командировку за границу. Из поездки он вынес неожиданное для многих отечественных специалистов, погрязших в штудировании и толковании старозаветных нормативных текстов, мнение — ближайшими союзниками юриспруденции и криминологии в понимании проблем преступности являются конкретные науки, изучающие процессы человеческого вырождения, или, как он сам их называл, «человеческого оскуднения», и общая наука — социология. Это мнение сформировало основное направление его дальнейшей научной работы. «Не юрист-догматик, — вспоминал С.К. Гогель, — подготовлялся в этих условиях, а социолог, а то сострадание к "оскуднению", которое составило на всю жизнь основной мотив <...> его деятельности, привлекло его внимание к той части социологии, которая теперь называется "социальной патологией"» [2, с. 16]. Тут следует отметить, что в русской социологической литературе 70–80-х гг. XIX столетия термин «социальная патология» возник в недрах социологического органицизма и его спутников и вслед за Спенсером употреблялся как обозначение сводного числа «заболеваний» социального организма в целом (С.С. Шашков, А.И. Стронин, П.Ф. Лиллиенфельд и другие). Наиболее показателен в этом холистском толковании был

этиод Л.Е. Оболенского на тему: Что в обществе следует считать болезнями и как они влияют на жизнь общества [5, с. 57–76]. С целью новой, не метафорической, а реалистической разработки термина Дриль в течение нескольких лет усиленно посещал медицинский факультет родного университета, различные клиники и врачебные лаборатории, изучая анатомию, физиологию и главное — психические отклонения в жизнедеятельности больного человека, который при определенных условиях мог стать преступником. Между тем школу органицистов потеснила другая позитивистская школа в лице Э. Дюркгейма и его последователей.

В отличие от социологизма Дюркгейма, трактовавшего социальную патологию (аномию) прежде всего как распад уз групповой солидарности и рост сомнения в принудительно-необходимом характере исполнения большинства социальных норм, Дриль в своем обосновании социологического реализма сделал объяснительный крен в антропологическую и, может быть, даже биолого-медицинскую сторону. Не случайно свою программную статью Дриль назвал «Преступный человек как порочный организм» [6]. Самую сильную поддержку своим позитивистским стремлениям изучать конкретную личность преступника Дриль обнаружил в новой уголовно-антропологической школе, создатель которой Ч. Ломброзо в 1871–1876 гг. опубликовал журнальный вариант своего основополагающего труда «Преступный человек». А через три года Дриль начинает разработку своей версии этой школы, критикуя многие ее крайности, вроде феномена атавизма или типологии «врожденных преступников», но высоко оценивая в ней дух «естественнонаучного» изучения преступности с помощью «точных научных методов», распространяемых на сам факт преступного поведения, его условия и результаты, а также на субъективную, личностную сторону преступления.

Постепенно Дриль стал главой российской уголовно-антропологической школы в новом ее толковании и именно в таком качестве получил популярность в научных кругах Запада. Он оказался плодовитым автором: множество статей, развивающих и защищающих положение школы, он печатает в разных изданиях — «Русской мысли», «Вестнике воспитания», «Журнале Министерства Юстиции», «Тюремном вестнике», «Сыне Отечества», «Русских ведомостях» и др. Исследуя участие русских ученых в философских и социологических журналах Франции конца XIX — начала XX вв., Н.В. Новиков указывает и на имя Дриля [7, S. 70].

Как же протекала защита магистерской диссертации у Дриля, столь уверенно шагавшего по профессиональной стезе? Собранные им в диссертации факты различных заболеваний, наследственного закрепления их и социологической редукции на отклоняющееся поведение разных видов поразили своим новаторством одних специалистов и испугали других. Самое обидное — последнее было основано на недоразумении. Когда диссертация была представлена Ученому совету юридического факультета, администрация сочла невозможной ее публичную защиту, ибо доктрина Дриля, изложенная в ней, якобы подкашивает в корне самую идею наказания. Господствовавшая на факультете классическая школа исходила из предположения, что подавляющее большинство преступлений было результатом «злой воли» преступника. Дриль же доказывал, что жизнь нередко протекает совершенно независимо от злой или доброй воли человека, который часто становится игрушкой собственных свойств, являющихся выражением врожденных, наследственных и приобретенных аномалий в физической и нервной организации пре-

ступника. М.М. Ковалевский связался с бывшим своим учителем Л.Е. Владимировым, профессором уголовного права в Харьковском университете, который после знакомства с диссертацией и отзывами на нее различных авторитетных специалистов заявил о готовности предоставить Дрилю место для защиты. Ковалевский поспешил лично обрадовать своего друга. И вот, после блестящей защиты Дриль, который формально получил возможность преподавать в качестве приват-доцента, на деле попал в своеобразный капкан. С одной стороны, известность его как русского представителя антропологической школы не замедлила прочиться в широких кругах образованного общества, но с другой, в правящие бюрократические слои, прежде всего, в министерство графа Д.А. Толстого проникло убеждение, что его доктрина не может быть основой учебного курса высшей школы, так как сводится к отрицанию карательной власти государства. «Несправедливость, обнаруженная по отношению к Дрилю и опиравшаяся на самое явное недоразумение, казалась особенно возмутительной тем, кто знал его близко. Дриль принадлежал к небольшому числу людей, которые ждали и ждут всего не от политических реформ, не от установления в нашей стране конституционных реформ, а от перевоспитания общества» [4, с. 435]. Но бюрократия стала внушать Дрилю опасение только с тех пор, как он сам попал в ее среду и изнутри увидел многие дисфункциональные стороны машины управления.

Когда же в парламентский период высшая школа получила у нас автономию, с Дриля был наконец снят давний запрет, и он с энтузиазмом окупился в педагогическую деятельность, к которой готовился еще в университете. Близкая его уму идея «свободных университетов» была удачно реализована им совместно с В.М. Бехтеревым и М.М. Ковалевским основанием «вольного» (не казенного) Психоневрологического института, юридического факультета там и первой в России социологической кафедры на нем. Целью института было междисциплинарное изучение личности, необходимость которого Дриль всегда защищал. Он начинает читать небольшие спецкурсы о преступности как социальном явлении и мерах борьбы с нею — в те годы, когда там учились П. Сорокин и Н. Кондратьев, внимательно изучавшие его идеи. Одновременно он читает развернутый курс по уголовному праву в Политехническом институте, систематические циклы лекций на учебных курсах Побединского, в Народном Политехникуме, в русской группе Союза криминалистов и других педагогических и самодеятельных учреждениях. В годы запрета на преподавание Дриль, будучи поразительным тружеником, конечно, не сидел без дела, погружаясь в самые разнообразные занятия, но, как вспоминал Ковалевский, «его постоянно влекло к преподаванию дорогой ему уголовной антропологии и социологии в высшем учебном заведении» [4, с. 435].

Интересно, как протекала чиновничья деятельность Дриля в недрах Министерства юстиции. Биографы с изумлением отмечают, что все ступени службы он рассматривал как «опытные поля» своих научных исследований и посвящал конкретной проверке тех или иных теоретических положений и выработке новых, насколько это было только возможно. Вначале он занимался земской статистикой, потом получил место податного инспектора в Москве, затем в Петербурге, перейдя в 1881 г. на пост юрисконсульта Министерства юстиции, а в 1897 г. он назначается руководителем управления воспитательно-исправительных учреждений, на ниве которого сделал много полезного в организации этих учреждений по всей стране. Так,

он принял активное участие в выработке закона 19 апреля 1909 г., по которому наши воспитательно-исправительные заведения получили новое положение и значительно больше средств к существованию. Как податной инспектор он изучал положение детей бедного населения как возможного резерва преступности, в качестве же юрисконсульта он получил возможность посетить многие известные тюрьмы Западной Европы, а в России — тюрьмы Сибири и Сахалина, и провести их сравнительный анализ [8]. В 1893 г. А.П. Чехов стал печатать отдельные главы своего путешествия-исследования «Остров Сахалин» в «Русской мысли». Критический пафос бытовых зарисовок Чехова вызвал большой резонанс в обществе. Министерство юстиции направило некоторых своих чиновников для проверок состояния дел, в 1896 г. на Сахалин был командирован и Дриль. Через два года он публикует своеобразный отчет о поездке «Ссылка и каторга в России» в «Журнале министерства юстиции» [9], гуманизм которого близок к очеркам Чехова. Кроме того, Дриль представил громадный и подавляющий своими фактами итоговый доклад Министру юстиции Н.В. Муравьеву о том, что такое ссылка в ее реальном виде. Некоторые дальневосточные чиновники, например, сахалинский губернатор, после доклада Дриля вынуждены были покинуть занимаемые посты за служебное и моральное несоответствие им.

Эмпирически изучая все действующие ступени лестницы наказаний от тюрьмы, каторги, ссылки, до самой радикальной — смертной казни, Дриль был вынужден подвергнуть их систематической критике за неэффективность в качестве мер борьбы с преступностью. Подобные кары не столько исправляют и возрождают, сколько подавляют и развращают преступников, «делают лиц, снабженных клеймом тюремного сидельца, окончательно негодными для здоровой, честной трудовой жизни» [2, с. 23]. Современной ему неэффективной системе наказаний, которая в уродливой форме отражает пороки большого общества, Дриль противопоставил систему «принудительного воспитания», являющуюся наиболее разумной мерой борьбы с преступностью, причем не только малолетних, к которым он настойчиво предлагал относить лиц до 17 лет, но и взрослых, только с известными поправками. Этот воспитательный труд, многократно повторял Дриль, неимоверно тяжелый, но единственно правильный [2, с. 24].

Подобный вывод требует более основательного рассмотрения антропологической концепции Д.А. Дриля.

II. Русский вариант антропологической школы

В течении общественной жизни один из ее грязных потоков под названием преступность берет, по Дрилю, свое начало в области многообразных явлений «физического и умственно-нравственного вырождения» людей. Это убеждение сложилось у него довольно рано и сохранялось до конца жизни, изменялись только сферы приложения тезиса и объемы привлекаемых фактических данных. Это обстоятельство постоянно подчеркивали его товарищи по науке — М.М. Ковалевский, В.М. Бехтерев, С.К. Гогель и др.

Сам Дриль в 1895 г. в известном сочинении «Преступность и преступники» прямо признавался, что имеет честь принадлежать к представителям уголовно-антропологической школы «уже очень давно» [10, с. 285]. Но в то же время все, кто внимательно следил за теоретическими работами Дриля, отмечали его сознатель-

ную оппозицию ряду принципиальных выводов Ч. Ломброзо и причем тем из них, которые создали сомнительную славу школе. Он не только выступил с серьезной критикой этих выводов — кстати, раньше Г. Тарда, который начал свою научную карьеру с похожей критики — но перенес поединок на территорию противника, воспользовавшись одним из международных конгрессов, проводимых школой.

Что же признавал и что отвергал Дриль? Выступая в 1892 г. на Брюссельском конгрессе перед представителями международного научного сообщества, включавшего ученых Италии, Германии, Бельгии и Франции, Дриль очень лаконично и точно сформулировал семь позитивных принципов уголовно-антропологической школы. Доклад вызвал оживленные прения, в ходе которых выступили сам Ч. Ломброзо, Г. Тард, Э. Ферри и др. Позднее Дриль неоднократно включал текст доклада в свои разные работы.

Принципы эти таковы: 1) Целью наказания новое направление признает не месть, не возмездие, а необходимость ограждения общества от зла преступления. 2) В изучении преступников, причин и форм их поведения школа стремится использовать все «точные научные методы», противопоставляемые априорной метафизике. 3) В преступлении школа видит результат взаимодействия внутренних особенностей психофизической организации преступника (антропологический аспект) и внешних социальных воздействий (социологический аспект). 4) Школа рассматривает преступника как в большей или меньшей степени несчастную, порочную, недостаточную организацию, мало приспособленную к борьбе за существование в легальных формах. 5) Причины преступления школа делит на: а) ближайшие причины, т.е. «психофизическое оскудение»; б) более отдаленные неблагоприятные внешние условия бытия, под влиянием которых постепенно зарождаются, вырабатываются и закрепляются первые причины; в) предрасполагающие причины, под воздействием которых порочная психофизическая организация обрекается, толкается на преступление. 6) Школа изучает преступление не с позиции морализаторства или теологического осуждения, а как «естественное общественное явление, как дефект, в конечном счете, всего общественного устройства». Этим она смыкает вопрос о преступности с «великим социальным вопросом нашего времени» и настаивает на необходимости широких мер предупреждения не только преступности как части патологии, но и оскудения или социальной патологии вообще. 7) Вот почему школа ставит репрессии за преступления в зависимость от «изучения индивидуальных особенностей каждого деятеля преступления» [10, с. 9; 11, с. VIII].

Эти абстрактные положения, по Дрилю, превращали школу в «новое» направление, но между конкретными формами защиты, обоснования и развития этих положений у разных представителей школы были временами существенные расхождения. Он признавался, что в отдельных работах школы встречаются «чрезмерные увлечения, промахи, неверные обобщения и т.п. [2, с. 52]. Для их выяснения необходимо хотя бы кратко рассмотреть версию самого Дриля, которую в печати совершенно точно называли «социально-органической теорией» [2, с. 30].

Итак, базовой характеристикой человека как живого физического существа является наличие у него инстинктов и инстинктивной деятельности. С антропологической точки зрения эта база интересна тем, что на ней развивается новая важная основа — мир чувств или, как говорил Дриль «тонация самочувствия», определяющая многое в будущем характере личности. На этой основе и в процессах посто-

янного взаимодействия с ней возникает последняя, специфически человеческая основа нравственно-умственной жизни, или мир интеллекта*.

Построить классификацию личностей по преобладанию той или иной основы — с логической стороны, дело бесполезное, так как они зависят от множества изменчивых факторов — возраста, пола, процессов физиологического созревания, образования, наличия или отсутствия семьи, степени материального достатка и т.п. Но два более или менее константных типа обнаруживаются достаточно ясно. Первый массовый тип представляет вариант «нормального общественного человека», которому соответствует гибкая и развитая степень приспособляемости к условиям жизни окружающего общества, необходимая для самостоятельной и ответственной жизни в среде себе подобных. Но Дриля больше интересует второй, так называемый патологический тип человека, неприспособленного к условиям общественной жизни, из среды которого вербуются преступники, проститутки, самоубийцы, разного рода психические больные, отклоняющиеся от «нормального типа» в сторону органического оскуднения**. Социологи и врачи уже давно подмечали и даже измеряли у них нарушение работы различных органов, упадок энергии и работоспособности, повышение раздражительности, достигающей временами тотальной озлобленности, ослабление предусмотрительности, уменьшение (и даже исчезновение) способности сдерживаться и противостоять различным искушениям, неконтролируемый рост тягостных настроений. Наследственность закрепляет и воспроизводит дурной тип.

Но как ни сильно влияние дурной наследственности, оно все же не представляется роковым, наряду с ее законами действуют социальные законы приспособляемости к изменению окружающей среды, на которых основывается социализация и воспитание нормального типа личности и перевоспитание ненормального, совершившего преступление. И вообще, если во время неурожаев социальная статистика уверенно предсказывает и потом фиксирует волну имущественных преступлений, то при этом обнаруживается, что далеко не все бедные совершают кражи, а только некоторые, следовательно, имеются специфические индивидуальные особенности, которые избирательно провоцируют действие оскуднения, неуравновешенности. И более того, чаще всего те характеристики оскуднения, душевных аномалий, которые наследственно закрепляются в длинном ряде поколений невропатических семейств и дают статистические ряды душевных расстройств, невропатий, разнообразных порочностей, алкоголизма, самоубийств, спонтанных бесчинств и других преступлений, сами имеют социальные корни. Как и Е.В. Де Роберти, Дриль был убежден, что все психические явления (от простейших до сложнейших без ис-

* Дриль считал, что недостатком современной ему школы является чрезмерное обучение в ней принципам «рацио», что при незаслуженном забвении культуры чувств и игнорировании принципов «тонации самочувствия» неизбежно делает образование односторонним. Воспитание «нормального человека» с юных лет должно опираться на культивирование чувств сострадания и благожелательности, чтобы альтруистическое чувство путем унаследования и социального подражания закрепилось и приобретало силу инстинктивного влечения, что для рациональных норм и установок, в отличие от чувственных, невозможно по их опосредованной инстинктами природе.

** Мне уже приходилось писать о том, что антропологическая гипотеза о проституции как генетической патологии (В. Тарновский, А. Федоров, Н. Краинский и др.) вызвала большую дискуссию в русской науке [12, с. 14–17, 76]. Эта гипотеза была в тесном родстве с общесоциологической позицией Дриля.

ключения) имеют две составляющие — органическую и социальную, причем последнюю в большей мере. Вот почему Н.И. Кареев совершенно верно считал, что Дриль в русском обществоведении принадлежал к исследователям, постоянно «применявшим социологическую точку зрения к преступности как к социальному явлению» [13, с. 139].

Рассмотрим подробнее претензии Дриля к антропологической школе, преодоление которых должно было, на его взгляд, обеспечить ее дальнейшее развитие и процветание. Поразительно, что Дриль, искренне относя себя к сторонникам школы, часто не считался с теми ее положениями, которые и сам Ч. Ломброзо, и его ученики — Р. Гарофало, Э. Ферри и др. считали самыми ценными и основательными в ней. Как отмечали комментаторы его подхода, здесь Дриль «проявил ту независимость своих взглядов, которая резко отличила его от многих других последователей новой школы» [2, с. 55]. Какие же пределы антропологической школы очертил сам для себя Дриль?

1. Теория Ломброзо и его последователей была типичной для своего времени теорией монофакторного детерминизма, выводящей на первый план наследственно-органические основы преступности. Позиция Дриля была не столь догматична, его детерминизм был по методологической сути плюралистического толка, «на оскуднение, вырождение и т.д. он, — отмечал Гогель, — смотрел не как на самостоятельные факторы, предопределяющие человека к преступлению, а как на проводники внешних неблагоприятных отдаленных и предрасполагающих причин: бедности, детской заброшенности, алкоголизма и других» [2, с. 20]. Но когда эти явления сцепились в одну конкретно данную зависимость, скажем, алкоголизм родителей — психологические патологии, аномалии у детей — преступность малолетних, то ее надо изучать с единой детерминационной позиции.

2. «Новое» в человеческой истории часто в порядке самоутверждения относится крайне нигилистически к предшественникам. Нечто подобное произошло и с новой уголовно-антропологической школой в ее отношениях со старой классической школой уголовного права. Но как только положение новичков упрочилось, возникла идея восстановления преемственности, союза со всем ценным в наследии старой школы. Замысел этой справедливой идеи возник во время бурного обсуждения одного из докладов Дриля, и сам докладчик первым поддержал его.

3. Дриль обратил внимание на методологические просчеты школы в типологических обобщениях. Описание признаков вырождения, обнаруживаемых школой у преступников, фактически содержалось у них в разных комбинациях и пропорциях и поэтому произвольно объединялось в общее целое или тип только фактом их совместного описания. Не было доказано, что эти признаки присущи только преступникам и не встречаются у «нормальных личностей» [2, с. 18]. Наконец, есть и случайные преступники, которые в силу каких-то обстоятельств «выдавливаются» из лиц «нормального типа».

4. Абсолютизируемый Ломброзо феномен атавизма как причины массовой преступности Дриль упорно отрицал, доказывая, что многие дикие народы, как свидетельствует этнография и культурная антропология, очень миролюбивы и лишены врожденной склонности к преступности, которая якобы наследуется современными людьми от предков в форме эпилептоидного состояния или нравственного коллективного помешательства.

5. Наконец, важный вопрос о мерах борьбы с преступностью. Антропологическая школа обосновывала необходимость разных мер искусственного подбора, веря в спасительное действие смертной казни, кастрирования, пожизненного заключения и т.п. тех, кто генетически обречен на преступление и посему не поддается исправлению. Позиция Дриля в этом вопросе была более гибкой: признавая необходимость лишения вырождающихся личностей возможности воспроизводить себя в потомстве и этим механически поддерживать патологию общества на том или ином уровне, он настаивал на том, что «преступное действие человека, как и всякое его действие вообще, есть всегда результат взаимодействия двух факторов: воздействий, исходящих из внешней среды, с одной стороны, и физической и психической структуры подвергающегося этим воздействиям, с другой». Школа в лице ее зачинателей сделала очень мало в деле изучения первого фактора, куда Дриль относил неравномерное распределение национального богатства, эгоистическое скопление его в руках немногих, индустриализацию и урбанизацию, разорение деревни, обнищание разных слоев, пауперизацию пролетариата. В результате — «одичание, загнанное и вырождающееся отребье человеческого рода», предоставленное само себе или мерам искусственного подбора со стороны общества. Дриль же проповедовал дополнение этих мер мерами гуманного перевоспитания и попечения, призванными обеспечить «правильное развитие личности». А это более трудная задача, чем путь репрессий, и она по плечу не одним карательным органам, а обществу в целом. Самая существенная помощь социальной науки в этом вопросе — конкретное изучение личности, как нормальной, так и патологической, путей ее формирования и функционирования в обществе.

Приличном посещении тюрем, исправительных учреждений для взрослых и малолетних, рабочих домов, нищенских приютов и колоний он прежде всего знакомился и долго беседовал с их обитателями. Его интересовали в первую очередь не помещения, одежда и питание заключенных (хотя и это крайне важно), а люди! Далее он обращался к богатому опыту лиц, служивших в этих учреждениях. Постепенно за разнообразием фактов начинали вскрываться совпадения и общее в «этиологии человеческой преступности». Такого метода работы Дриль требовал и от своих учеников при посещении подобных учреждений. Современники признавались — «заслуга его перед русской наукой в смысле установления неопровержимого положения о необходимости изучения живой личности преступника очень велика» [2, с. 21].

Следует присовокупить к русской науке всю мировую, если вспомнить, на скольких международных конгрессах он выступал с докладами, как организовывал программу последующих съездов, исходя из полемики на предыдущих, так что вся работа этих научных собраний посвящалась коллективной разработке нерешенных проблем с позиции антропологической школы. Пожалуй, ни один из русских социологов той поры не принимал столь большого участия в академической работе такого рода — ни М.М. Ковалевский, ни Е.В. Де Роберти, ни Н.И. Кареев, не говоря уже о других.

При этом личное мнение Дриля о роли конгрессов в эволюции науки не было апологетическим, он трезво, со знанием дела писал: «Международные конгрессы, как и конгрессы вообще, не двигают и не могут двигать теоретическую и прикладную науку вперед. Двигают ее определенные лица, любящие свое дело, горячо преданные ему и носящие в себе искру нужного света». Конгрессы же устанавливают личные связи и организуют общение коллег и пропагандируют научные взгляды в массовой печати [8, с. 39–40].

Уже во время своей первой научной командировки в Западную Европу после окончания университета Дриль ощутил острую потребность общения с зарубежными родственно мыслящими учеными, прежде всего представителями антропологической школы. В 1881–1883 гг. он направляется в служебную командировку для изучения исправительных учреждений ряда западных стран, работает под руководством французских и немецких антропологов и в итоге публикует книгу «О преступном человеке», которая обращает на себя благосклонное внимание западных специалистов. Как подчеркивал П.И. Люблинский, один из самых серьезных последователей Ч. Ломброзо и сам достойный исследователь Р. Гарофало «в своей статье "О новой позитивной школе в России" указывает на Д.А. Дриля как на наиболее радикального позитивиста в России» [2, с. 40].

Эта оценка делает Дриля постоянным участником всех международных конгрессов уголовной антропологии, начиная с первого конгресса в Антверпене (1885 г.) и последующих шести, на многих из которых он избирался генеральным докладчиком. На парижском конгрессе 1889 г. он выступил с обоснованной критикой понятия «преступный тип» Ломброзо и аргументировал рациональность принципа «уголовного освобождения». На брюссельском конгрессе 1892 г. он прочитал доклад «Об основных принципах уголовно-антропологической школы», который вызвал долгие дискуссии. И хотя на Женевском конгрессе 1896 г. Дриль не смог присутствовать и только отправил свой доклад «Об основаниях и целях уголовной ответственности», главный докладчик Энрико Ферри свое выступление построил на обильном цитировании одной из центральных работ Дриля «О психофизических типах и их соотношении с преступностью». В 1906 г. на конгрессе в Турине, где зародилась уголовно-антропологическая школа, Дриль единодушно избирается президентом конгресса и успешно выступает в этом качестве. Только на последний Вашингтонский конгресс 1910 г. Дриль из-за болезни поехать уже не смог, что было отмечено участниками как досадная помеха для работы в сравнении с конгрессами, в которых он участвовал. Каждый раз Дриль подробно знакомил русских читателей с итогами очередного конгресса, подчеркивая гносеологический прогресс в деятельности школы.

Свои гуманные идеи об ответственности и принудительном воспитании несовершеннолетних правонарушителей, о роли поощрений и наград как исправительных мер в тюремной жизни и другие темы он защищал на ряде международных тюремных конгрессов: в Петербурге (1890), Париже (1895), Брюсселе (1900), Будапеште (1905). К сожалению, многие опережающие пенитенциарную практику той поры вопросы, поднимаемые Дрилем на этих конгрессах, встречали не только сочувствие, но и непонимание, даже равнодушие, и не были вотированы. Заинтересованное участие Дриль принимал и в ряде других международных и всероссийских собраний ученых: Международном конгрессе Союза криминалистов (Петербург, 1902), Конгрессе общественного призрения и частной собственности (Париж, 1900), Международном конгрессе по борьбе с алкоголизмом (Стокгольм, 1907). Современники признавались: «повсюду он выступает в защиту <...> идей общественного оздоровления и морального совершенствования на почве улучшения культурных условий жизни. И слава его как высокого гуманиста перелетает границы России». Дриль стал тем звеном, «которое соединило Россию с Западной Европой в борьбе против социальных недугов» — преступности, алкоголизма, нищеты, проституции и т.п. [2, с. 46]. И эти идеи Дриля напрямую связаны с его праксисом — системой практических мер блокировки человеческого оскуднения.

III. Общественно-практическая деятельность Дриля

Уже первые историки русской социологии, как отечественные, так и зарубежные (Н.И. Кареев, О. Лурье, А.С. Лаппо-Данилевский, Ю. Геккер), верно заметили, что главные теоретические достижения социологической мысли в России были одновременно ответом на практический вопрос: «Что считать наиболее важным для блага народа?» [14, с. 13]. Дриль в полной мере отдал дань этой национальной особенности нашей науки. Стремление изучить явления оскуднения и преступности меньше всего были для него полем абстрактного теоретизирования, они «всегда связывались в его сознании с мыслью: как помочь человеку? Как вернуть его и поставить на путь нормальной, здоровой и трудовой жизни» [2, с. 63]. Сколько-нибудь развернутое описание всего сделанного Дрилем в этой сфере займет слишком много места, поэтому ограничимся только самыми основными моментами.

1. Дриль неоднократно подчеркивал, что оскуднение человеческого рода — многофакторный процесс, и его составляющими частями, причинами и одновременно следствиями являются массовый алкоголизм, нищета, социальная приниженность женщины, семейная дезорганизация, жилищная нужда, проституция и т.п. Он принял самое горячее участие в акциях и деятельности зарождавшихся в начале XX в. «социальных единениях», направленных против этих явлений. Когда при Обществе охраны народного здоровья создается Особая Комиссия, он становится ее постоянным членом, читает публичные лекции об опасности бесконтрольной алкоголизации населения в стране, пишет статьи (помещаемые в «Русских ведомостях», «Журнале министерства юстиции» и др.), и в конце концов ему с группой энтузиастов удается собрать в феврале 1910 г. Первый всероссийский антиалкогольный съезд, три тома трудов которого (1910–1913 гг.) стали своеобразной энциклопедией не только истории и современного состояния проблемы потребления алкоголя в России, но и должных мер борьбы со злоупотреблением им. Это издание стало последним трудом Дриля, жизнь которого оборвалась 1 ноября 1910 г. Он работал не жалея себя. Много сил он отдал проведению Российским обществом защиты женщин, начинания которого он постоянно поддерживал, Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами в апреле 1910 г. Летом того же года он выступил на Первом всероссийском съезде деятелей по общественному и частному призрению с докладом, по которому было принято много важных резолюций о воспитании и обучении заброшенных детей [2, с. 26].

В программы русских политических партий жилищный вопрос как самостоятельное требование не входил, как отмечал один из авторитетнейших исследователей социальных опытов решения этого вопроса в разных странах мира М.Г. Диканский [15, с. 114]. Тем более важно, что он отметил опыт Дриля как особо ценный из всего, что делалось в России по решению жилищных проблем. Медико-социологические обследования жилищ бедного населения и даже среднего класса, проведенные в ряде городов империи (а Дриль участвовал в московских исследованиях) показали, «как не надо строить дома для людей». Дриль писал: «Дома и квартиры, отдаваемые внаем мелкому рабочему люду, отличаются по большей части полным отрицанием всех правил гигиены. Страшная скученность, спанье вповалку, грязь, вонь, нередко темнота и иногда холод и ужасная сырость внутри помещений, являющиеся следствием дурной постройки и отсутствия ремонта и уносящие много денег на топливо — таковы особенности большинства мелких рабочих квартир, как бы нарочно приуроченных к тому, чтобы способствовать вырождению и деграда-

ции подрастающих и уже взрослых поколений» [10, с. 266]. В 1902 г. Дриль вместе с рядом энергичных сторонников своих идей создает «Товарищество по борьбе с жилищной нуждой». По своему юридическому типу товарищество было паевым учреждением, членом его мог стать всякий, приобретя хотя бы один пай за 25 рублей. Поощрялось приобретение паев самими будущими жильцами. В начале фонд был скромным. Для изучения постановки дела один из членов правления, инженер по образованию, был послан за границу. Планы товарищества заинтересовали различные государственные учреждения и частных лиц. В 1903 г. Министерство Внутренних дел стало пайщиком на 100 тыс. рублей, в 1905 г. Дума Петербурга — на 60 тыс. рублей. Министерство финансов предоставило налоговые льготы и кредиты. В итоге в 1906 г. Дриль имел счастье присутствовать при освящении своего детища: был построен знаменитый «Гаванский городок», сохранившийся до сих пор. Он состоял из пяти домов умелой планировки и оригинального внешнего вида, напоминающего голландские постройки. Рассчитан он был примерно на 2 тысячи жильцов. В домах сочетались два типа жилищ — отдельные комнаты для холостяков с общими кухнями и отдельные семейные квартиры от одной до трех комнат с центральным отоплением, вентиляцией, кухнями, душевыми, туалетами и шкафами для провизии. Квартиры и комнаты такого размера в частном секторе стоили значительно дороже, даже будучи в худшем состоянии. Кроме удобных и гигиенических квартир в городке были построены школа на 300 учащихся, библиотека, рекреационный зал, медицинский пункт и «дешевая и правильно организованная столовая». Общество Народных университетов, в котором сотрудничали ведущие профессора столичной высшей школы, в том числе и сам Дриль, организовало в учебных классах циклы лекций общеобразовательного характера. Проводились экскурсии в городские музеи, устраивались концерты и спектакли. Так что городок был не просто удобным и дешевым жильем, но своего рода просветительским учреждением с новым видом общения и досуга для бедного люда, составившего подавляющее большинство его населения. Опыт Дриля вызвал запросы из разных городов, «Товарищество» высылало специально подготовленную брошюру. После Февральской революции различные комиссии Временного правительства создавали планы застройки всей Гавани (все-таки морские ворота города!) в архитектурном и социальном стиле «Гаванского городка». Но известные события не дали реализоваться этим планам, иначе мы не имели бы нынешнего архитектурного облика, унылого, как песня акына в степи. Исследователи и энтузиасты «Товарищества», справедливо опасаясь неправильного понимания подобных опытов со стороны консервативных кругов, предупреждали — все эти цивилизаторские мероприятия не следует считать социалистическими и препятствовать им, ведь не была же освободительная реформа 1861 г. социалистической! По этому пути борьбы с нищетой и бедностью уже пошли все развитые страны Запада, и Россия обязана последовать за ними [16, с. 23–24].

В «Гаванском городке» была частично реализована одна из любимых идей Дриля о создании в стране дешевой демократической системы образования, прежде всего для детей низов путем создания сети народных университетов. В декабре 1905 г. он читает в Обществе гражданских инженеров публичную лекцию о народных университетах, подчеркивая экономическую, культурную и социальную потребность в них, высказывает мысль о создании Всероссийского общества народных уни-

верситетов, но образование такого общества не разрешается высшими инстанциями. Тогда инициативная группа стала создавать городские комиссии народных университетов вначале в Петербурге и Москве, а потом в других городах — Харькове, Нижнем Новгороде, Казани, Тифлисе.

В 1908 г. Дриль избирается председателем организационного бюро по устройству Первого Всероссийского съезда деятелей обществ народных университетов и других педагогических учреждений частной инициативы, которым он придавал «значение общественно-государственного вопроса». Помимо чисто организационной стороны решения этого вопроса, его привлекали и содержательные стороны — теоретическая и практическая педагогика, где Дриля привлекала область принудительного воспитания малолетних и несовершеннолетних правонарушителей, в которой он видел прототип системы воздействия и на взрослых преступников.

Вообще воспитательно-исправительные заведения для малолетних существовали в России автономно от тюрьмы начиная с эпохи великих реформ (закон 5 декабря 1866 года). Но так как закон не был сформулирован отдельно, а помещен в «Устав о содержащихся под стражей», то возникли разногласия — считать ли эти заведения карательными или воспитательными. Кроме того накапливались проблемы в конкретной работе этих заведений, так что возникла потребность в съезде представителей этих заведений. Первый съезд состоялся в Москве в 1881 г., в это время в России было только 9 подобных заведений. Затем съезды стали собираться каждые 4–5 лет. В 1908 г. на VII съезде был обобщен опыт работы 48 заведений. Неугомонный Дриль с III съезда (1890 г.) становится постоянным их участником, вплоть до последнего VII съезда. Вместе с Н.С. Таганцевым, К.В. Рукавишниковым и другими видными юристами Дриль становится бессменным членом Бюро съездов, целью которого являлась подготовка программы очередного съезда и осуществление консультационной связи между заведениями. Ни одна правительственная законодательная акция по этой проблематике не обходилась без участия Дриля, работа эта вылилась в ряд важных законов и прежде всего в закон 1909 г. — «Положение о воспитательно-исправительных заведениях».

Организации самого дела принудительного воспитания и отличиям его от тюрьмы Дриль посвятил ряд статей, объединив их под общим названием «Тюрьма и принудительное воспитание». Он отмечал, что в России в этом деле стихийно сложилась счастливая форма сотрудничества, которую следует всячески беречь и охранять: государственные институты, земства и города приходят со своими пособиями на помощь частно-благотворительной инициативе, включая съезды и Бюро съездов. При такой форме сотрудничества все участники с наибольшей выгодой для дела способны работать в сфере воспитания и перевоспитания малолетних правонарушителей. Поездив по разным исправительным учреждениям страны, Дриль на совещаниях, проводимых по инициативе местных губернаторов, представителей земств и городских дум, постоянно пропагандировал тезис о возможности и необходимости удачного совмещения воспитательных и хозяйственных функций исправительных учреждений, полагая, что эти функции неизбежно будут дополнять и стимулировать друг друга. Речь шла о том, что колонии и приюты могли бы стать показательными сельскохозяйственными (прежде всего огородными) хозяйствами, служащими образцами производительности для местного населения и приносящими увесистую прибавку к бюджету учреждения. В большинстве своем детские колонии уже имеют достаточные земельные участки, им необходима только помощь

со стороны земства и городских властей в агрономической консультации и элитных семенах [2, с. 38]. Хорошо известно, что послереволюционные колонии широко прибегали к этому совету Дриля.

Особенно интересна и поучительна была роль Дриля на съездах представителей воспитательных учреждений. Участники их, приезжавшие из всех уголков России, вспоминали: он давал массу «деловых справок», как по законодательству, так и по вопросам истории отдельных заведений, об успехах и поражениях в их деятельности, объяснял причины последних, постоянно делился передовым опытом Западной Европы в подобных делах. Всех особенно покоряло то, что программа воспитания в его рассуждениях строилась по строго научным методам, «заимствованным не от домостроя, а от естествознания». Пять томов «Трудов» III–VII съездов, в которых участвовал Дриль, свидетельствуют, с какой настойчивостью он защищал свою программу, включавшую необходимость создания специальных социально-психологических курсов для педагогического персонала воспитательно-исправительных заведений; замену официальной процедуры суда над детьми учреждениями опекунского характера, что менее травматично переживается ребенком; организацию систематических медико-педагогических наблюдений над воспитанниками с помощью специальных постоянно заполняемых и обновляемых «листочков наблюдений». Подобный материал был бы полезен не только педагогу-практику, но и научным работникам.

Дриль упорно наставлял педагогический персонал: изучайте каждого отдельного воспитанника с его слабыми и сильными, плохими и хорошими свойствами и с учетом их индивидуализируйте процесс воспитания, в качестве меры воздействия используйте социологический закон подражания, ограничьте или откажитесь вообще от жестких мер воздействия — телесных наказаний, карцеров и т. п.

Если попытаться пересказать и оценить все написанное и сделанное Д.А. Дрилем, то это составит сюжет большой и занимательной книги. Цель моего очерка гораздо скромнее — напомнить современникам, особенно молодым социологам, о деятельности этого замечательного русского человека, а если у кого-либо это породит желание продолжить и расширить эту работу, то я буду считать, что мой замысел удался. Подведем итоги.

В 1910 г. социологизирующий медик Н.В. Краинский опубликовал брошюру «Психология падших людей», которая была отмечена золотой медалью Харьковского университета и премией Брюссельской Академии наук. В ней он распространил выводы антропологической школы на многие виды отклоняющегося поведения — преступность, хулиганство, проституцию, бродяжничество, попрошайничество и алкоголизм, рассматривая их как формы «дегенеративного поведения» лиц, опустившихся в борьбе за существование на дно социальной жизни. Он при этом упрекнул социологию в том, что она изолированно, а не интегрально рассматривала эти виды отверженных лиц и их поведение [12, с. 17]. И надо сказать, что отчасти это суждение было справедливым, некая изолированность проблем действительно имела место у антропологической школы — так, С. Елпатьевский ограничил себя изучением бесчинства (хулиганства), В. Тарновский и А. Федоров — проституции, И. Гвоздев и А. Лихачев — самоубийств, К. Толстой — алкоголизма, Н. Нобергский — нищенства и т. п. Но, во-первых, сами проблемы были и остаются до сих пор крайне объемными и, как правильно отмечал П. Сорокин, у антропологической школы были свои крупные заслуги в разработке этих проблем [17, с. 111–112], во-вторых, здесь требуется оговорка относительно Дриля, который был как

раз теоретиком, стремящимся к позитивистскому синтезу всех этих проблем. И не его вина, что задачи такого масштаба по силам большим научным коллективам, может быть, даже поколениям исследователей, а не одному, даже столь талантливному и целеустремленному человеку, каким был Д.А. Дриль.

В заключение хочу обратить внимание на плодотворный стиль научной и общественной деятельности героя моего очерка. После научной разработки вопроса он апеллировал к общественному мнению (массовая и специализированная пресса, всевозможные съезды), в лоне которого вырабатывались рецепты возможного практического решения вопроса и подробно обсуждались их разные аспекты, далее предполагался выход на правительственные учреждения или комиссии Государственной и городской думы с целью издания постановлений и законов. Это и был избранный Дрилем путь, медленный, но реалистический путь народного воспитания, коллективного участия в управлении и самоуправлении, формирования в общественной практике принципов гражданского общества, которые ныне пытаются схоластически-умозрительно сочинять всякого рода праздные болтуны на политические темы. В этой связи уместно вспомнить слова из одного доклада Дриля: «Я люблю уголовную антропологию всеми силами моей души потому, что, изучая причины человеческой преступности, Даже самые отдаленные, она с доказательными фактами в руках ясно и наглядно показывает обществу, что принцип общественной нравственности и идеалы не суть пустые слова, а неизбежные следствия, или, правильнее, выводы из самих явлений общественной жизни» [10, с. 12].

Литература

1. Слобожанин М. Черты из жизни и деятельности Д.А. Дриля // Дриль Д.А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. СПб.: Изд. «Шиповник», 1912.
2. Дмитрий Андреевич Дриль как ученый и общественный деятель. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1911.
3. Ковалевский М.М. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века (Личные воспоминания) // Вестник Европы. 1910. № 5.
4. Ковалевский Максим. Дмитрий Андреевич Дриль // Вестник Европы. 1910. № 12.
5. Оболенский Л.Е. Что в обществе считать болезнями. Опыт введения в общественную патологию // Мысль. 1880. № 7.
6. Дриль Д.А. Преступный человек, как порочный организм // Юридический вестник. 1882. № 11–12.
7. Novikov N. Die Soziologie in Russland: Ihre Institutional Entwicklung von den Anfängen bis zur Oktober-revolution 1917. Wiesbaden: In Kommission Bei Otto Harrassowitz, 1988.
8. Дриль Д. А. Ссылка во Франции и России (Из личных наблюдений во время поездки в Новую Каледонию, на о. Сахалин, в Приамурский край и Сибирь). СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелева, 1899.
9. Дриль Д.А. Ссылка и каторга в России // Журнал министерства юстиции. 1898. № 4.
10. Дриль Дмитрий. Преступность и преступники (Уголовно-психологические этюды). СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1895.
11. Дриль Д.А. Психофизические типы и их соотношение с преступностью и ее разновидностями (Частная психология преступности). М.: Тип. А.И. Мамонтова и К., 1890.
12. Голосенко И.А., Голод С.И. Социологическое исследование проституции в России. СПб.: Петрополис, 1998.
13. Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.
14. Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М.: Онега, 1995.

15. Диканский М.Г. Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. М.: Тип. А.П. Попковского, 1908.

16. Голосенко И.А. Нищенство в России. Из истории дореволюционной социологии бедности // Социологические исследования. 1996. № 8.

17. Сорокин Питирим. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999.

Избранная библиография монографических трудов Д.А. Дриля

Первые научные публикации Дриля появились в 70-е гг. XIX века и за последующие несколько десятилетий его научной деятельности составили большое наследие в виде докладов на различных всероссийских и международных конгрессах, многочисленных статей в отечественной и зарубежной узкопрофессиональной и массовой печати. С целью широкой пропаганды своих идей Дриль не пренебрегал публикациями в газетах, причем не обязательно столичных. Собранные в одно целое, все эти статьи могли бы составить несколько самостоятельных томов. Впрочем, иногда Дриль так и поступал: наиболее важные статьи после соответствующих изменений, дополнений и содержательной подгонки друг к другу он объединял в сводные труды, которые строились по единому плану и служили общим познавательным задачам. Так, в 1883–1884 гг. он выпустил в «Юридическом вестнике», с которым в качестве автора сотрудничал долгие годы, ряд энергично написанных этюдов под общим заглавием «Очерк развития учения новой позитивной школы уголовного права», позднее весь ряд их был включен в выпуск его нашумевшей книги «Малолетние преступники. История новейших учений о преступности».

Из всего значительного числа научных работ Дриля в данную библиографию отобраны только сочинения монографического толка, в которых его теоретические взгляды излагаются в органической целостности, поэтому знакомство с ними будет способствовать более адекватному пониманию его вклада в российскую уголовную социологию второй половины XIX — начала XX вв.

1. Малолетние преступники. (История новейших учений). М.: Тип. А.И. Мамонтова и К., 1884. Вып. I. 318 с.

2. Малолетние преступники. (Общая психология преступности). М.: Тип. А.И. Мамонтова и К., 1888. Вып. II. 254 с.

3. Психофизические типы в их соотношении с преступностью и ее разновидностями. (Частная психология преступности). М.: Тип. А.И. Мамонтова и К., 1890. 188 с.

4. Преступность и преступники. (Уголовно-психологические этюды). СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1895. 2 изд. — 1899. 294 с.

5. Сенка во Франции и в России. (Из личных наблюдений во время поездки в Новую Каледонию, на о. Сахалин, в Приморский край и Сибирь). СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1899. 173 с.

6. Бродяжество и нищенство и меры борьбы с ними. СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1899. 47 с.

7. Этюды по педагогической психологии. (Роль чувства в жизни души). СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1907. 114 с.

8. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. СПб.: Изд. «Шиповник», 1912. 568 с. (С приложением статей В.М. Бехтерева, М.М. Ковалевского, А.Ф. Кони и М. Слобожанина о Дриле).